

Билл Брайсон (р. 1951) —
английский писатель и популяризатор
науки, автор нескольких мировых
nonfiction-бестселлеров, лауреат
множества премий, кавалер ордена
Британской империи.

Bill Bryson

At Home:
A Short History of Private Life

БИЛЛ БРАЙСОН

Краткая история быта
и **частной жизни**

Издательство АСТ
Москва

УДК 930.85
ББК 63.3(0)-7
Б87

Серия «Цивилизация: рождение, жизнь, смерть»

Bill Bryson
At Home: A Short History of Private Life

Перевод с английского Т. Трефиловой
Серийное оформление и дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
The Marsh Agency Ltd.

Брайсон, Билл.

Б87 Краткая история быта и частной жизни / Билл Брайсон; пер. с англ. Т. Трефиловой. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 640 с. — (Цивилизация: рождение, жизнь, смерть).

ISBN 978-5-17-099180-8

После успеха книги «Краткая история почти всего на свете», посвященной «большим» проблемам — рождению Вселенной, развитию планеты Земля, происхождению жизни, Билл Брайсон решил сосредоточиться на, казалось бы, более мелких вопросах, которые близки большинству из нас: на истории частной жизни, быта и домашнего уюта. Рассказ о житейских мелочах и предметах домашнего обихода превращается в историческое повествование, уводящее нас в глубокое прошлое человеческой культуры.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)-7

© Bill Bryson, 2010
© Перевод. Т. Трефилова, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Джессу и Уайатту

Содержание

Вступление.....	9
Глава 1. ЭТОТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГОД	17
Глава 2. МЕСТО ДЕЙСТВИЯ.....	49
Глава 3. ХОЛЛ.....	72
Глава 4. КУХНЯ	105
Глава 5. БУФЕТНАЯ И КЛАДОВАЯ.....	135
Глава 6. РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ЩИТ.....	171
Глава 7. ГОСТИНАЯ.....	206
Глава 8. СТОЛОВАЯ	245
Глава 9. ПОДВАЛ.....	283
Глава 10. КОРИДОР	312
Глава 11. КАБИНЕТ	347
Глава 12. САД	371
Глава 13. «СЛИВОВАЯ» КОМНАТА.....	414
Глава 14. ЛЕСТНИЦА	445
Глава 15. СПАЛЬНЯ	461
Глава 16. ВАННАЯ КОМНАТА	492
Глава 17. ГАРДЕРОБНАЯ.....	533
Глава 18. ДЕТСКАЯ.....	572
Глава 19. ЧЕРДАК.....	610

ВСТУПЛЕНИЕ

Спустя некоторое время после того, как мы переехали в бывший дом английского приходского священника в идиллической, но безликой деревне в графстве Норфолк, я поднялся на чердак — посмотреть, где источник неожиданно обнаружившейся таинственной протечки. Поскольку в нашем доме нет чердачной лестницы, пришлось воспользоваться высокой стремянкой, чтобы, долго и неприлично извиваясь, пролезть в потолочный люк — вот почему раньше я туда не совался (да и потом не испытывал большого восторга от подобных экскурсий).

Взобравшись наконец на чердак и кое-как поднявшись на ноги в пыльной тьме, я с удивлением обнаружил во внешней стене потайную дверь, которую не было видно со двора. Дверь легко открылась и вывела меня в крошечное пространство на крыше, площадью чуть больше столешницы обычного стола, между передним и задним фронтонами. Викторианские дома часто являют собой скопление архитектурных несуразиц, но эта казалась совершенно непостижимой: зачем понадобилось делать

дверь там, где в ней не было очевидной необходимости? Впрочем, с площадки открывался чудесный вид.

Когда вдруг видишь знакомый мир с непривычного ракурса, это всегда завораживает. Я находился в пятидесяти над землей; в центральном Норфолке такая высота уже гарантирует более или менее панорамный обзор. Прямо передо мной стояла старинная каменная церковь (наш дом когда-то служил к ней дополнением). Дальше, чуть под уклоном, на некотором удалении от церкви и пасторского дома, раскинулась деревня, которой и принадлежали обе эти постройки. По другую сторону высилось аббатство Уаймондхэм — нагромождение средневековой роскоши, господствующее над южной частью горизонта. На полпути к аббатству, в поле, тархтел трактор, чертя на земле прямые линии. Остальная часть пейзажа представляла собой безмятежную и милую английскую пастораль.

Мне было особенно интересно смотреть по сторонам, потому что буквально вчера я бродил по этим местам со своим другом Брайаном Эйрзом. Брайан недавно вышел на пенсию, а до этого занимал пост археолога графства и, наверное, лучше всех остальных знал историю и ландшафты Норфолка. Однако он ни разу не бывал в нашей деревенской церкви и очень хотел взглянуть на это красивое старинное сооружение, более древнее, чем собор Парижской Богоматери, и примерно того же возраста, что соборы в Шартре и в Солсбери. Впрочем, в Норфолке полно средневековых церквей — целых 659 штук (их количество на квадратную милю здесь самое большое в мире), так что они не слишком обращают на себя внимание.

— Ты когда-нибудь замечал, — спросил Брайан, когда мы вошли в церковный дворик, — что деревенские церкви почти всегда словно утопают в земле? — Здание церкви действительно стояло в мелкой низине, точно груз на по-

душке; фундамент церкви был примерно на три фута ниже окружающего церковного кладбища. — Знаешь почему?

Я признался, как это часто бывало в обществе Брайана, что понятия не имею.

— Дело вовсе не в том, что церковь проседает, — улыбувшись, объяснил Брайан. — Это поднимается церковное кладбище. Как ты думаешь, сколько здесь похоронено людей?

Я окинул оценивающим взглядом надгробия:

— Не знаю. Человек восемьдесят? Сто?

— По-моему, ты *чуть-чуть* преуменьшаешь, — отозвался Брайан с добродушной невозмутимостью. — Подумай сам. Такой сельский приход насчитывает в среднем 250 человек, значит, за столетие умирает около тысячи взрослых плюс несколько тысяч маленьких бедолаг, так и не успевших вырасти. Помножь это на количество веков, прошедших со дня постройки этой церкви, и ты увидишь, что здесь не восемьдесят и не сто покойников, а тысяч двадцать.

(Все это, как мы помним, происходит в шаге от моей входной двери.)

— *Двадцать тысяч?* — изумленно переспросил я.

Мой друг спокойно кивнул.

— Да, это очень много. Вот почему земля поднялась на три фута. — Он немного помолчал, давая мне время переварить информацию, потом продолжил: — В Норфолке тысяча церковных приходов. Умножь все эти столетия человеческой деятельности на тысячу, и получится, что перед нами — значительная часть материальной культуры. — Он обвел рукой высившиеся вдали колокольни: — Отсюда ты видишь десять-двенадцать других приходов, так что фактически ты смотришь сейчас на четверть мил-

лиона захоронений — и это здесь, в сельской тиши, где никогда не было серьезных катаклизмов.

Из слов Брайана мне стало понятно, почему в пасторальном и редко заселенном Норфолке археологи находят по 27 000 старинных предметов в год — больше, чем в любом другом графстве Англии.

Люди теряли здесь вещи задолго до того, как Англия стала Англией. Брайан как-то показал мне карту археологических находок в нашем приходе. Почти на каждом поле что-нибудь да нашли — орудия эпохи неолита, римские монеты и гончарные изделия, саксонские броши, погребения бронзового века, усадьбы викингов. В 1985 году проходивший по полю фермер обнаружил возле самой границы наших владений редкую римскую фаллическую подвеску.

Я представляю себе мужчину в тоге, стоящего совсем рядом с моим участком; он растерянно охлопывает себя сверху донизу, обнаружив, что потерял ценное украшение; подумать только: его подвеска пролежала в земле семнадцать или восемнадцать веков, пережила бесконечные поколения людей, занимавшихся самой разной деятельностью, нашествия саксов, викингов и норманнов, зарождение английской нации, развитие монархии и все остальное, прежде чем его подобрал фермер конца XX века, наверняка весьма удивленный столь необычной находкой!

Так вот, стоя на крыше собственного дома и разглядывая неожиданно открывшийся пейзаж, я поразился странностям нашего бытия: спустя две тысячи лет человеческой деятельности единственным напоминанием о внешнем мире остается римская фаллическая подвеска. Столетие за столетием люди тихо делали свои повседневные дела — ели, спали, занимались сексом, развлекались, и я вдруг

подумал, что история, в сущности, и состоит из таких вот обыденных вещей. Даже Эйнштейн потратил бóльшую часть своей интеллектуальной жизни на размышления об отпуске, новом гамаке или изящной ножке юной дамы, сошедшей с трамвая на другой стороне улицы. Эти вещи наполняют нашу жизнь и мысли, однако мы не придаем им серьезного значения. Не знаю, сколько часов я потратил в школе на изучение Миссурийского компромисса* или Войны Алой и Белой розы, но мне никогда бы не позволили уделить столько же времени истории еды, истории сна, секса или развлечений.

Я решил, что это может оказаться интересным: написать книгу про обычные вещи, с которыми мы постоянно имеем дело, наконец-то заметить их и воздать им дань уважения. Оглядев свой дом, я со страхом и некоторым смятением понял, как мало знаю об окружающем меня мире быта. Однажды днем, когда я сидел за кухонным столом и машинально крутил в руках солонку и перечницу, я вдруг задался вопросом: а почему, собственно, при всем многообразии специй и приправ мы так почитаем именно эти две? Почему не перец и кардамон или, скажем, соль и корицу? И почему у вилки четыре зубца, а не три и не пять? У подобных вещей должны быть какие-то объяснения.

Одеваясь, я задумался, почему у всех моих пиджаков на каждом рукаве имеется по несколько бесполезных пуговиц. По радио рассказывали о ком-то, кто «оплачивал жилье и стол», и я удивился: о каком таком столе речь? Внезапно мой дом показался мне загадочным местом.

* Решение Конгресса США (1820), согласно которому рабовладение было запрещено севернее 36°30' северной широты и западнее реки Миссисипи (*здесь и далее — прим. ред., если не оговорено иное*).

И тогда я решил отправиться в путешествие по дому: пройти по всем комнатам и понять, какую роль каждая из них сыграла в эволюции частной жизни. Ванная комната расскажет историю гигиены, кухня — кулинарии, спальня — секса, смерти и сна и так далее. Я напишу историю мира, не выходя из дома!

Признаюсь, идея пришлась мне по душе. Недавно я закончил книгу, в которой попытался постигнуть вселенную и то, как она образовалась, — задача, прямо скажем, была не из легких*. Поэтому я с удовольствием думал о таком четко ограниченном, имеющем пределы объекте описания, как старый пасторский дом в английской деревне. Да эту книгу запросто можно сочинять в домашних тапочках!

Но не тут-то было. Дом — объект поразительно сложный. К своему великому удивлению, я обнаружил: что бы ни происходило в мире — открытия, творения, победы, поражения, — все их плоды в конце концов так или иначе оказываются в наших домах. Войны, голод, промышленная революция, эпоха Просвещения — вы найдете их следы в ваших диванах и комодах, в складках штор, в мягкости пуховых подушек, в краске на стенах и в воде, текущей из крана. История быта — это не просто история кроватей, шкафов и кухонных плит, как я смутно предполагал раньше, это история цинги, гуано, Эйфелевой башни, постельных клопов, похищения мертвых тел, а также почти всего остального, что когда-либо имело место в человеческой жизни. Дом — не убежище от истории. Дом — это место, куда в конце концов приводит история.

Думаю, не стоит говорить о том, что история — штука весьма пространная. Я с самого начала предвидел, что мне

* Речь идет о бестселлере Билла Брайсона «Краткая история почти всего на свете»: М., АСТ, 2013.

придется мучительно отсеивать материал, чтобы уместить историю быта в один том. Поэтому, хоть иногда я и заглядываю в далекое прошлое (нельзя рассказать про ванну, не упомянув римлян), основное внимание в тексте уделяется событиям последних 150 лет, в течение которых действительно зародился современный мир. Так совпало, что именно столько и стоит дом, по которому мы вскоре совершим экскурсию.

Мы привыкли к бытовому комфорту — чистоте, теплу, сытости — и забыли, что почти все эти удобства появились не так уж и давно. Можно сказать, прошла целая вечность, прежде чем они надвинулись на нас неудержимой лавиной. Как это произошло и почему человечеству понадобилось столько времени, чтобы добиться комфортного существования, и рассказывается на этих страницах.

Я не называю деревню, где стоит мой дом, старый дом приходского священника, однако этот дом вполне реален, так же, как и люди, упомянутые в связи с ним. Следует также отметить, что фрагмент первой главы, в котором рассказывается про преподобного Томаса Байеса, появился в слегка измененном виде во вступлении к моей книге «Взгляд вдаль. История науки и Королевского общества».